

ДУХОВНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ФАШИЗМА В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ

Фашизм и германский национал-социализм оказали существенное влияние на русскую эмиграцию в конце 20-х — начале 30-х гг. Они представлялись самой бескомпромиссной антикоммунистической силой; обладая немалой динамичностью, эти движения привлекали молодое поколение российских эмигрантов. Они обещали активное действие и быстрые результаты в отличие от бесконечных дискуссий, характерных для организаций, созданных старшими поколениями. Фашизм представлялся движением будущего, тогда как демократия виделась многим на уже свалке истории.¹

Создателями и активными участниками русских так называемых национал-революционных организаций, так или иначе в своих идейных концепциях граничивших с фашизмом, как правило, были молодые эмигранты. Небольшая их часть смогла ассимилироваться в инациональной среде, но в подавляющем большинстве они страдали от мучительной ностальгии по утраченной родине. Поначалу эмигрантская молодежь испытывала идейное влияние представителей старшего поколения. Однако время шло, и новая смена выбиралась из этого “плена” с горьким чувством “обманутого сына” в душе. Остатки старшего поколения, очутившиеся в эмиграции, не пользовались среди молодежи никаким влиянием. Уход молодежи от них начался еще в годы Гражданской войны: уже тогда “правое” перестало быть символом зла и реакции, а “левое” в свете большевистского террора перестало быть притягательным и, напротив, порождало чувство горечи и отторжение.²

В 20-е гг. возникли новые организации, состоявшие, главным образом, из молодых людей, настроенных воинственно и отчетливо сознающих, что их старшее поколение потерпело поражение в борьбе с большевизмом. В историографии их деятельность и воззрения принято объединять термином “пореволюционность”. Российские “фашистские”, “национал-социалистические”, “национал-революционные” организации, наряду с организациями “национал-максималистов”, “русских солидаристов”, “младороссов” и рядом других получили название “пореволюционных”, так как считали невозможной рестав-

рацию дореволюционного состояния России, какой бы она ни была, и видели свой долг в борьбе за ее внутреннее преобразование в соответствии с новыми идеалами, направленными против идеологии большевиков.³

Однако идейные искания, прогнозирование будущего исторического пути развития России молодыми эмигрантами, как и создание ими разного рода профашистских организаций, имели под собой вполне конкретные социально-экономические корни. Нищенские условия существования; тяжелая, малооплачиваемая работа в условиях неравной конкуренции с гражданами Германии; ущербность правового статуса “лица без гражданства”; безработица и постоянная неуверенность в завтрашнем дне неизбежно влекли за собой стремление к моральной, духовной, психологической “реабилитации”. Профашистские идеи, тесно переплетавшиеся в сознании российской эмигрантской молодежи с идеей “национального возрождения” России, являлись наиболее “подходящими” для этой цели.

Нельзя исключать и предположение о том, что появление фашистской идеологии в среде российской эмиграции явилось, своего рода, попыткой уловить тенденцию в политической жизни Германии, не отстать от “тяжелой поступи нацизма”, оказаться “своими” в новых общественных реалиях и тем самым остаться в рамках процесса социальной адаптации.

Существенное место в идеологии российских профашистских организаций играл антисемитизм. Судя по материалам эмигрантской печати, в начале 20-х гг. эмигрантский антисемитизм носил “прямотаки болезненный характер”.⁴

Национализм в среде эмиграции не являлся редким явлением. Даже некоторые коммерческие документы, посвященные предметам, казалось бы, далеким от политики и тем более от национализма, таким как, например, выборам членов правления акционерного общества, часто содержали ссылки на национальность партнера или контрагента (еврей, армянин и т.п.) Зачастую такого рода ссылки служили обоснованием принятия того или иного решения. Поэтому провозглашенная Гитлером политика расовой нетерпимости легко нашла поддержку среди некоторой части эмиграции. По выражению И.В. Гессена, “поднявшийся на поверхность беженский шлак в количестве, какого никто и не подозревал”, устраивал хулиганские акции в редакциях эмигрантских газет и на собраниях, где среди выступавших и приглашенных значились еврейские фамилии. Но был в этих шовинистических выступлениях и новый оттенок — травле подвергались даже те русские

эмигранты, которые состояли в смешанном браке с евреями.⁵ Эти факты дают основание полагать, что наиболее близкая к фашизму часть эмиграции ориентировалась в своих воззрениях и поступках на самые свежие “достижения” гитлеровского режима в этой области. В этой связи совсем не случайной выглядит акция, подготовленная в “русских шоферских кругах” Берлина в 1935 г., совпавшая по времени с принятием печально известных “нюрнбергских законов”, когда после законодательного запрещения смешанных браков был подвергнут травле русский писатель Сирин, женатый на еврейке.⁶

Эти настроения были сформулированы В.В. Шульгиным, монархистом, активным участником Белого движения и одним из духовных лидеров эмиграции: “Тот, кто в условиях борьбы белых с красными не был антисемитом, тот, значит, не ощущал сущности дела, ибо он не способен был понять факта, выпиравшего совершенно явственно: организующей и направляющей силой в стане красных были евреи”.⁷

В эмиграции антисемитизм подогревался и социальным расслоением русской колонии. Большая часть коммерческих предприятий “русского” бизнеса в Германии, особенно в финансовой, ювелирной, медицинской и юридической областях принадлежала эмигрантам еврейского происхождения. Этот факт, особенно на фоне катастрофической нищеты в беженских лагерях, не мог остаться незамеченным, особенно наряду с откровенно “нескромными” мероприятиями, проводимыми, например, Союзом русских евреев, с парходными прогулками и обедами в дорогих ресторанах.⁸

Однако русский эмигрантский фашизм имел в своем социально-экономическом аспекте существенные отличия от фашизма немецкого. Российская эмиграция, в которой преобладали люди интеллигентных специальностей, в корне отличалась от социальной опоры гитлеровского режима. Немецкий исследователь В. Райх отмечал, что “...превращение фашизма в массовое движение и захват власти... следует отнести за счет полной поддержки его со стороны среднего класса”.⁹ Российские эмигранты в Германии не имели в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. той экономической основы, которая обусловила бы очевидную выгоду от прихода к власти национал-социалистов. Те коммерческие предприятия, которые были созданы в Германии российскими предпринимателями, в большинстве своем именно в мелко-товарном и обслуживающем секторах экономики, не могли настолько быстро сформировать комплекс психологической зависимости от владения этой собственностью. Внешне соответствуя формальным при-

знакам того самого среднего класса “мелких лавочников”, приведшего Гитлера к власти, российские эмигранты оставались на деле “беженцами в процессе социальной адаптации”, не связанными глубокими экономическими и социальными корнями с идеологией национал-социализма.

Социальное положение среднего класса, по В. Райху, обуславливается: 1) его положением в капиталистическом производственном процессе, 2) его положением в аппарате авторитарного государства и 3) его особым семейным положением, имея ввиду определенный тип реакционного мышления в авторитарной семье.¹⁰ Все эти три составляющих понятия “средний класс” при анализе социальной структуры эмиграции применены быть не могли, поскольку ее интеграция в германское общество к моменту прихода национал-социалистов к власти еще не достигла того уровня, когда можно было бы рассуждать, например, об особенностях ее положения в “аппарате авторитарного государства”. По этой причине можно сделать вывод, что социально-экономические корни русского фашизма были принципиально иными, и переоценивать их значение было бы неверно.

Таким образом, явление русского фашизма в среде российской эмиграции в Германии стало результатом слияния нескольких основных составляющих.

В социально-экономическом аспекте появление русского фашизма стало следствием социального расслоения эмигрантской массы. Обнищание одной части эмигрантов на фоне неприкрытой роскоши другой вело к росту социального протеста в их среде. Альтернативой большевизации наиболее пролетаризированных слоев российской эмиграции стал именно национал-социализм, выдвигавший привлекательные для бесправной обнищавшей массы русских беженцев *экономические* лозунги о “сохранении здорового крестьянского сословия”, борьбе с крупными универсальными магазинами, “разорывшими” мелкого торговца, и т.п. Подобный экономический популизм был вполне знаком и понятен выходцам из России, которые внимали ему на протяжении нескольких предреволюционных лет у себя на родине.

Другой составляющей русского фашизма в Германии стал антисемитизм, ставший еще в период Гражданской войны в России неотъемлемым спутником Белого движения. Эта “традиция” была перенесена и в эмиграцию, распутившись пышным цветом на почве социального неравенства внутри русской колонии. Поиск причин большевистского переворота в России и поражения Белого движения застыл на значительной части эмигрантов именно на “еврейском во-

просе”, тесно переплетаясь с антисемитской идеологией, предложенной национал-социалистами.

Наконец, поиски российской эмиграцией своего места в дальнейшем историческом развитии России, привели к появлению в ее идеологии “пореволюционных” концепций. Возрождение “национальной” России представлялось возможным осуществить, в том числе, и методами национал-социалистов. В данном случае фашизм воспринимался российскими эмигрантами в качестве возможной *альтернативы* советскому строю; его агрессивный антикоммунизм виделся единственным реальным инструментом для борьбы с большевизмом.

Антибольшевизм национал-социалистов привлекал к себе и эмигрантов “старшего поколения”, увидевших в Гитлере осуществление своих несбывшихся мечтаний о той всеокрушающей силе, которая сможет уничтожить советский режим и восстановить в России “национальное” государство. По этой причине уже 26 октября 1933 г. появилось письмо А.А. фон Лампе, в котором он писал о проведенных переговорах с представителем НСДАП: “...После переворота 30-го января с.г. в Германии я и мои друзья предложили наше содействие в борьбе против коммунистов германской власти — я в последнее время вошел в частные переговоры с представителем отдела Иностранных сношений Германской Национал-социалистической рабочей партии (отдел г-на Розенберга), по вопросу о совместных действиях против большевиков”. Необходимо отметить, что указанные переговоры происходили в тот период, когда следствие по делу фон Лампе закончено не было, а сам он, после 42-х дневного заключения только вышел на свободу. Между тем, в письме генерала нет и намек на возможную “обиду” или недовольство действиями немецких властей. Более того, он писал, что “...42-х дневное заключение не изменило моего взгляда, завещанного нам всем покойным бароном Врангелем, что “русский узел будет развязан в Берлине””.

И далее фон Лампе излагал существо проведенных переговоров: “...Мне кажется, что достигнута возможность взаимного доверия. В данный момент начальник Восточного отдела выразил настоятельное желание получить от нас по возможности разработанный план тех действий, которые мы предполагали бы желательным осуществить совместно с германскими национал-социалистами в направлении к уничтожению большевистской власти в России, как в направлении усиления при помощи немцев внутренней работы в России по всем направлениям, пока при соблюдении полной тайны наших взаимоот-

ношений с немцами, а потом и возможной интервенционной деятельности в широком масштабе...

По предложениям, высказанным во время имевших место переговоров, инициатор их — начальник Восточного отдела, на основании нашего плана... сделает соответственный доклад, который должен привести к дальнейшим переговорам с представителем Иностранного отдела партии...

С переходом переговоров в следующую, так сказать официальную стадию, все лица, принимающие в них участие, как нами о том было оговорено, получают гарантии в том, что с ними не может повториться недоразумения, подобное тому, которое привело к моему аресту. Это совершенно необходимо, так как конечно мы примем все меры, дабы сведения о переговорах не просочились в эмигрантскую гущу, но гарантировать от слухов едва ли сможем...”

Заканчивалось письмо такими словами: “Мне пока неясно в какой степени руководящие круги партии в этом вопросе заинтересованы, но, повторяю — я считаю совместную работу между нами и национал-социалистами настолько е с т е с т в е н н о й, что я охотно пошел на переговоры...”.¹¹ (Выделено А.А. фон Лампе. – В.Н.).

Ближайшее будущее с большой ясностью показало, в какой именно степени “руководящие круги партии” были заинтересованы в сотрудничестве с правыми кругами российской эмиграции. Уже в марте 1934 г. фон Лампе в одном из своих писем несколько недоуменно писал о том, что начатые переговоры неожиданно прервались. “На поставленный прямо вопрос о причинах” фон Лампе было сообщено, что национал-социалистское руководство “несмотря на все желание, не в силах уделить время [русскому] вопросу. Причины... двоякого рода — внешние вопросы, начиная с австрийского, и внутренние... вследствие перестройки и реформы...”¹² Другими словами, фон Лампе не слишком вежливо было дано понять, что русские эмигрантские круги в Германии и их возможное содействие мало интересуют новую власть.

Позиция А.А. фон Лампе во взаимоотношениях с нацистским режимом являлась наглядным примером того огромного заблуждения, которым страдала значительная часть российской эмиграции относительно целей и задач Гитлера в СССР. Представляя фашизм в качестве некоего тарана, который поможет ей пробить ворота в осажденную советскую крепость, эмиграция не смогла просчитать истинных побудительных мотивов национал-социалистов. Поэтому все рассуждения эмигрантских лидеров накануне Второй мировой войны о сотрудниче-

стве с нацистами и о своих задачах *после* свержения Советской власти, выглядели довольно наивно. Так, например, в документе, названном “Соображения по некоторым вопросам международной политики”, написанном в декабре 1933 г., А.А. фон Лампе пытался сформулировать основные принципы политики российской эмиграции по вопросу о поддержке потенциальной агрессии против СССР: “...Надо делать все что в наших силах, чтобы, если возможно, увеличить шансы выступления Германии против СССР и, если это случится, наилучше его использовать.

Необходимо, где и как возможно, указывать Германии на выгодность для нее разрешения “русского вопроса” во всем его объеме и при этом не в направлении расчленения России...

Наша точка зрения... такова:

1. Мы считаем своими союзниками всех тех, кто является врагом СССР, но не национальной России и готовы дать в этом гарантии.

2. В случае выступления какой-либо державы против СССР, но без гарантии того, что выступление это направлено против интересов России (например, стремление к ее расчленению), мы должны стараться всемерно использовать создающееся положение в русских интересах, но не можем покрывать такое выступление иностранной державы нашим национальным флагом...”¹³

В Германии в разные периоды времени действовало несколько организаций русских фашистов, некоторые из которых заслуживают особого рассмотрения. Наименьшая из них по количественному составу именовалась младороссами, во главе ее стоял Александр Львович Казем-Бек, молодой человек, потомок аристократической семьи, прибывшей в Россию из Персии в начале XIX в. и полностью обрусевшей. В 1923 г. в Мюнхене был основан союз “Молодая Россия”; ее главой был избран Казем-Бек. Созданный союз отстаивал некий новый тип тоталитарной монархии, борьбу против масонства и международного капитала, а также жизнь “полную крови, огня и самопожертвования”. Казем-Бек воспринял все внешние атрибуты фашизма — униформу, военную дисциплину, поклонение вождю: на сходках последователи приветствовали его поднятием правой руки и скандировали слово “Глава!”. По убеждению Казем-Бека, старый режим прогнил до основания, его источили филистерство, буржуазная алчность, “наркотики и сифилис”. Поэтому большевики обошлись с ним по заслугам. Апокалипсис 1917 г. и Гражданская война были катастрофой, но это было необходимо.

Такие взгляды не считались столь еретическими, как это могло бы показаться с первого взгляда, — они находили поддержку и среди руководителей эмиграции. П.Б. Струве предоставлял младороссам место в своем журнале; главный претендент на престол из династии Романовых вел. кн. Кирилл Владимирович, который переехал из Германии в Париж, дал им свое благословение; в союзе состояли два великих князя.

Однако у Казем-Бека поклонение Муссолини и Гитлеру сочеталось с восхищением Сталиным.¹⁴ Казем-Бек отстаивал синтез старого и нового порядка — монархию, возглавляемую вел. князем. Кириллом Владимировичем и в значительной мере опирающуюся на советские институты, т.е. большевистскую монархию. Подобная идея нашла в 30-е гг. и других сторонников, таких как философ И.А. Ильин и И.Л. Солоневич.

Доктрина младороссов была полна непоследовательностей, но это их мало заботило: к идеологиям и интеллигенции они не испытывали ничего, кроме отвращения. В сентябре 1933 г. Казем-Бек отправился в Берлин, где должно было обсуждаться более тесное сотрудничество с Русской нацистской партией в Германии. Однако развить там свою деятельность младороссам не удалось — германские власти с большой подозрительностью относились к организациям, зарегистрированным за границей, тем более — во Франции.

В 1933 г. русским немцем А.П. Пельхау-Святозаровым в Германии было создано “Российское освободительное народное движение” (РОНД). В этой организации насчитывалось 200 “штурмовиков” по образцу нацистской партии, имелись свои издания — “Голос РОН-Да”, “Пробуждение России”, “Девятый вал”. В 1933 г. РОНДом было опубликовано воззвание к русскому народу “Пора понять! Призыв!”, в котором были сформулированы основные идеологические и политические основы созданной организации: “Братья! — не советская Россия, не эмиграция зовет вас, — Россия требует от вас творческой работы и подвига!.. Наш русский национал-социализм (фашизм) в каждом русском! Время пришло вскрыть наши раны!.. В наших собственных руках наше спасение — наш русский фашизм, и это последняя карта русского народа врагами нашими не будет бита!!!” — и далее в том же духе с огромным количеством восклицательных знаков и орфографических ошибок.¹⁵ Главными опорными идеями этого программного обращения являлись призывы к национальному возрождению на основе православия, антисемитизма и борьбы с большевизмом. Подобная риторика сильно напоминала призывы “Союза русско-

го народа”, с той только разницей, что РОНДом был введен новый “образ” в перечень предполагаемых духовных ориентиров для русского народа — “Белый крест истины”, призванный, очевидно, намекнуть о ведущей роли российской эмиграции в деле борьбы с большевистским режимом.¹⁶

В той же стилистике был выдержан и гимн созданного объединения: “Над миром знамя наше реет, // Могучей поднято рукой. // На красном поле крест белеет, // Крест солнца, — истины святой!!!” и т.д. Однако в гимне РОНДа, помимо бравурных метафор, содержались и элементы политической программы. Так, например, была сделана недвусмысленная ссылка на стремление созданной организации стать неотъемлемой частью германского фашизма: “Арийцам мощная опора // В борьбе последней роковой”. И далее: “Лишь двум народам великанам // Под силу грозная борьба. // Забыв вражду на поле бранном, // Восходит братства их заря!!!”¹⁷

Такие верноподданнические рифмы, очевидно, призваны были обратить внимание нацистских властей на их “младшего русского брата”. Кульминацией в этом искусственном синтезе русской национальной идеи и фашистской идеологии стал рисунок герба Российской империи, изображенный на одной из листовок РОНДа. На этом рисунке между головами двуглавого российского орла было помещено изображение свастики; в лапах орла были зажаты меч и православный крест, а текст к листовке гласил: “Россия должна быть и будет фашистской в 1933 году!!!”¹⁸

Созданная организация была воспринята российской эмиграцией в Германии без особого восторга. Русская печать откликнулась на процитированное выше “творчество” серией язвительных и довольно жестких статей. Так, например, российский журналист В. Каменщиков писал по поводу программных заявлений РОНДа: “О программе РОНДа пока еще говорить трудно. Она представляет собой набор громких и красивых фраз, нарочито туманного содержания и, по большей части, весьма примитивного характера, показывающих, что ее составители и не подозревают о всей сложности и многообразности процессов, происходящих в России”.¹⁹ Полковник Г.А. Имшенецкий посвятил критике РОНДа целую брошюру, назвав ее “Хлестаковщина наших дней” и сравнил на ее страницах созданную организацию с “дурно воспитанным подростком”.²⁰

Однако несмотря на подобные литературные и графические опыты, РОНД прекратил свое существование по решению немецких властей. В германской газете “Локаль Анцейгер” по этому поводу го-

ворилось: ““РОНД” был создан русскими эмигрантами в связи с национальной революцией в Германии и первоначально был принят с большой симпатией германской общественностью. К сожалению, руководителям РОНДа не удалось развить и повести движение в национал-социалистическом духе. Было установлено, что со временем в движение РОНДа все в большем числе проникли элементы, которые и по крови не были русскими и по убеждениям не были национал-социалистами; в интересах определенных вдохновителей они пытались распространять в РОНДе искаженные и ложные сведения с целью содействовать нежелательным внешнеполитическим стремлениям. Из соображений государственной безопасности оказалось поэтому необходимым запретить и распустить самый РОНД, признавая первоначальную добрую волю и мотивы движения”²¹

Очевидно, что решение о роспуске РОНДа было принято германскими властями под давлением советских представителей в Германии. Слишком агрессивная антисоветская направленность его пропаганды в тот момент была преждевременна и могла существенно испортить взаимоотношения СССР и Германии на данном этапе. Германские власти предпочли уступить и запретить малозначащую для них русскую организацию, которая вряд ли смогла бы оказаться полезной им и в дальнейшем.

В том же 1933 г. была предпринята попытка реанимировать РОНД под новой аббревиатурой ДРСТ — “Дейтч-руссишер штандарт”. “Штандартники”, как называли членов ДРСТ в русской печати, “щеголяли в новой форме: белая рубашка, черный галстук, наплечный знак и лиловая свастика в коричневой квадратной рамке”. По имеющимся сведениям, ДРСТ финансировался русскими немцами — выходцами из Прибалтики и вел активную пропаганду на Балканах.²²

В 1933 г. возникла и Партия российских освобожденцев, именовавшаяся также “Центральной организацией русских националистов” (ЦОРН). По словам А.А. фон Лампе, в 1933 г. ЦОРН “влачила жалкое существование”. Единственное, что выделяло эту карликовую партию из числа ей подобных, были ее на удивление широкие связи с русскими фашистскими организациями на Дальнем Востоке, с одной стороны, и младороссами Казем-Бека — с другой. Во главе ЦОРН стояли генерал П.Р. Бермонт-Авалов и начальник штаба гауптман Меленхов. Последний факт является чрезвычайно важным — присутствие в руководстве русской фашистской организации достаточно высокого в германской иерархии должностного лица указывало на попытку нацистских властей поставить под свой контроль стихийный про-

цесс создания и деятельности организаций российской эмиграции, именовавших себя фашистскими.

В том же ряду находился и так называемый “Русский национал-социалистический семинар”, основанный и возглавлявшийся бывшим редактором печатного органа РОНДа Меллер-Закомельским. К нему примыкала, главным образом, самая молодая и неопытная часть российской молодежи в Германии, более взрослая часть которой тяготела к “Национальному союзу нового поколения” (НСНП).²³

Некоторая часть офицеров, членов РОВС, объединилась в 1933 г. в Военно-монархическую группу, которую возглавил полковником Байбус. Состоявшая из 30 - 40 человек, названная группа попыталась встать на путь конфронтации с РОВСом, обвиняя его в “противодействии национал-социалистическому движению”. В отличие от прочих ей подобных, организации полковника Байбуса удалось попасть в так называемый “резерв национал-социалистических организаций”, при этом все ее члены подписали обязательство не принадлежать ни к какому иному союзу. По этой причине они вынуждены были подать заявления о выходе из РОВС.

Последней из созданных в 1933 г. в Германии русских фашистских организаций стала группа генерала К.В. Сахарова, о которой А.А. фон Лампе писал буквально следующее: “Значения не имеет. После своего исключения из РОВСа, ...генерал Сахаров увлекся “вождем” Пельхау-Святозаровым и, по некоторым сведениям, присягнул ему. Последние события выбили его из колеи... Около генерала Сахарова несколько чинов армии адмирала Колчака, тоже, по-видимому, критически относящихся к нему”.²⁴

В 1935 г. возникла новая организация — “Русское национальное и социальное движение” (РНСД) во главе с полковником Н.Д. Скалоном. По идейным установкам это движение мало отличалось от РНСУВ или других, но влияние идеологии немецкого национал-социализма на нее было довольно сильным. “Да, мы преклоняемся перед личностью Вождя Германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем, как и в его союзнике Бенито Муссолини, духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма. Не деньгами купил Адольф Гитлер наши сердца, а силой своего духа и правдой своей идеи”, — эти славословия прозвучали в докладе представителя РНСД в Берлине барона А.В. Меллер-Закомельского.²⁵

Программа РНСД, опубликованная в июне 1935 г. в газете “Девятый вал”, следующим образом определяла истоки, цели и задачи

этого движения: "...Российский национал-социализм есть прежде всего — стихийный национализм, требующий подчинения интересам нации как высшей ценности и государства, охраняющего ее как форма, всех личных, классовых, сословных или профессиональных интересов..."

Российский национал-социализм есть национализм действия, есть "воинствующий" национализм... Если быть русским - главное и первое требование, предъявляемое РНОД к своим членам, то дальнейшее развитие программы Движения и заключается в выявлении этой русскости." Однако критериев "выявления русскости" авторы программы так и не сформулировали, ограничившись лишь констатацией необходимости укрепления "православного мирозерцания".²⁶

Отделения РНСД существовали во многих германских городах, а также в ряде стран Европы и Америки. Официальным печатным органом движения являлся "Вестник РНСД". Деятельность РНСД находила поддержку у германских властей, чего нельзя было сказать, например, про "Российский фашистский союз", активно действовавший в Манчжурии и пытавшийся организовать свою работу в Германии: немецкие власти считали, что в стране не должны существовать русские эмигрантские организации, имеющие центры вне Германии.²⁷

Отношение нацистских властей к возникавшим в Германии русским профашистским организациям было наглядно продемонстрировано в беседе С.Д. Боткина с бароном К. Нойратом, занимавшем в 1932 - 1938 гг. должность министра иностранных дел Германии. Краткое содержание этой беседы, состоявшейся в конце июня 1934 г., было изложено С.Д. Боткиным в письме В.А. Маклакову. Контакты Боткина с чиновниками столь высокого уровня были нечастыми. В самом начале своего письма он отмечал, что "не находит возможным просить барона Нойрата о приеме" и подыскивает для встречи "какого-либо предлога".²⁸ Естественно, что столь редкие встречи не могли не использоваться Боткиным для укрепления своего собственного положения, особенно таким простым способом, как через дискредитацию возможных конкурентов на поприще эмигрантского представительства. Поэтому вполне понятны следующие слова Боткина из его письма к Маклакову: "Наш разговор коснулся также положения русских беженцев и многочисленных партийных направлений среди них. Я нашел полезным *снова указать* (я уже имел ранее случай говорить с ним на эту тему) министру на крайнюю несерьезность целого ряда русских партий, ежедневно возникающих в Германии под различными наименованиями, стремящихся как-то подделаться под немецких национал-

социалистов”. И далее Боткин с удовлетворением продолжал: “Барон Нойрат мало осведомлен обо всех этих, не имеющих будущности, течениях русской эмиграции, знает лишь, что они враждуют между собой и... занимаются доносами и на старые, более серьезные организации и объединения.

Закончил Боткин описание этой беседы словами Нойрата: “Вся вздорность этих доносов, а также несерьезность подобных политических образований нам известны, и при теперешних условиях не стоит на все это обращать внимание. Вообще... *в данное время лучше и практичнее сидеть тихо и не “рыпаться”*. Если я могу вам дать совет, то именно такой”.²⁹

Возникновение и деятельность русских профашистских организаций в Германии в 1933 г. наиболее полно была охарактеризована А.А. фон Лампе, писавшего, что “русские национал-социалисты... представляют собою загадочную картину не только для нас, но для германской полиции”.³⁰ Однако действительно загадочного в этом процессе было немного. Трудно представить, что именно 1933 г. внезапно стал решающим в формировании мировоззрения такой значительной группы людей и повлек за собой возникновение почти десятка русских национал-социалистических организаций. В подобное неожиданное “прозрение” верится с большим трудом. Более вероятным представляется иное объяснение. Очевидно, что значительная часть российских эмигрантов в Германии примыкала к национал-социализму вовсе не по политическим или идеологическим мотивам. Скорее всего, такой всплеск количества русских фашистских организаций объяснялся банальной политической мимикрией “чуждого элемента” в попытке избежать возможных репрессий за инакомыслие, получить финансирование от нацистских властей на развитие созданных организаций или каких-либо материальных привилегий. Иными словами, *большая часть национал-социалистических организаций российской эмиграции представляли собой не что иное, как инструмент социальной адаптации их членов в конкретный момент времени и в данных политических условиях*. Конечно, существовали и “истинно верующие” русские фашисты, число коих также было велико, но обходить вниманием такой фактор, как адаптация, в процессе возникновения и деятельности русских фашистских организаций было бы ошибочно.

-
- ¹ *Лакер У.* Черная сотня: Истоки русского фашизма. Вашингтон, 1994. С. 120.
- ² *Онегина С.В.* Пореволюционные политические движения российской эмиграции в 20 - 30-е гг.: (К истории идеологии)// Отечественная история. М., 1998. № 4. С. 95.
- ³ Там же. С. 96.
- ⁴ Там же. С. 98.
- ⁵ *Гессен И.В.* Годы изгнания. Париж, 1979. С. 70.
- ⁶ Там же. С. 71.
- ⁷ *Шульгин В.В.* Что нам в них не нравится. СПб, 1992. С. 72// Цит. по: *Онегина С.В.* Указ. соч. С. 94.
- ⁸ Руль (Берлин). 1922. 8 июня.
- ⁹ *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 68.
- ¹⁰ Там же. С. 68-77.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 54(1). Л. 12-14.
- ¹² Там же. Л. 57.
- ¹³ Там же. Л. 37.
- ¹⁴ *Лакер У.* Указ. соч. С. 123.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 54(2). Л. 98.
- ¹⁶ Там же. Л. 99.
- ¹⁷ Там же. Л. 102.
- ¹⁸ Там же. Л. 105.
- ¹⁹ Там же. Л. 107.
- ²⁰ Там же. Л. 110.
- ²¹ Там же. Л. 114.
- ²² Там же. Л. 115.
- ²³ Там же. Л. 117.
- ²⁴ Там же. Л. 120.
- ²⁵ Материалы по истории русского освободительного движения. М., 1998. Вып. 2. С. 33.
- ²⁶ Девятый вал (Берлин). 1935. № 1.
- ²⁷ *Онегина С.В.* Российский фашистский союз в Манчжурии и его зарубежные связи// Вопросы истории. 1997. № 6. С. 150.
- ²⁸ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов, 1934 - 1940. М., 1998. Т. 1. С. 175.
- ²⁹ Чему свидетели мы были... Т. 1. С. 177.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 54(2). Л. 146.